

В одну секунду весь мир исчез, оставив Масирао плавать в черной пустоте. На следующий день реальность вернулась, только все было в огне. На секунду Масирао

задавался вопросом, что он сделал, чтобы заслужить то, чтобы его выгнали прямо в ад, не ожидая очереди на суд Святого Петра.

Из пламени выскочил нож. Масирао рефлекторно сделал фланговый блок, вошел в нападающего и уложил его метким ударом.

Еще больше нападавших бросилось на Масирао из пожаров. Он присел в знакомую позу и глубоко вздохнул, мгновенно пожалев об этом, когда дым наполнил его

легкие. Когда он закашлялся, злодеи побежали вперед, но нить ленты остановила их.

— Одзиро-сан, сюда! — позвал Ханта сквозь пламя. Он дернул, заставив группу злодеев споткнуться, прежде чем один из них перерезал привязки. Токоями был с

ним, отбиваясь от другого злодея усохшей Темной Тенью. Используя отверстие, Масирао побежал к ним и помог Темной Тени сбить злодеев.

— Где мы? — спросил Масирао.

«Я думаю, что все еще в USJ», — сказал Ханта. «Тринадцать действительно что-то говорили о зоне пожара».

Токоями встал между другими учениками и обхватил их Темной Тенью, сдерживая злодеев. «Мы должны вернуться в центр, как сказал Мидория».

Из пламени вылетели перья. Темная Тень поднялась, чтобы заблокировать их, но некоторые из них прошли мимо, пронзив плащ Токоями. По мере того, как свет

проникал сквозь отверстия в плаще, Темная Тень становилась все меньше и слабее.

— Ты ранен? — спросил Ханта, разворачивая ленту. «Одзиро-сан, держи их подальше от нас, я могу перевязать его».

— Я не пострадал, — сказал Токоями, — но мой плащ испорчен. Наступила короткая пауза, когда птичий подросток прошел через внутреннюю борьбу. Его

следующие слова звучат так, как будто они были вытеснены из него. «Темная Тень слабеет в свете, и без плаща я ничего не могу сделать».

«Вот, позволь мне подлатать это».

Пока Токоями и Ханта были отвлечены ремонтом плаща, злодей вышел из пламени, нацелив на них руки, с достаточным количеством перьев, ошетилившихся на его

руках и предплечьях, чтобы превратить одноклассников Масирао в подушки.

Не в силах дышать от страха, Масирао порылся в импровизированных карманах своего ги. Его руки сомкнулись вокруг болы, которая в последнюю минуту стала

дополнением к его героическому наряду. Это был безукоризненный бросок, но один конец оружия захвата ударил злодея в голову. Они отшатнулись назад, иглы дико

выстрелили в воздух и поразили другого злодея.

Починив плащ, Токоями послал Темную Тень за злодеем, несущим перо, сбив его, прежде чем он успел выстрелить еще перьями. После этого бои стали

беспокойными, злодеи приближались вокруг, Токоями держал поспешную ленту на своем плаще, Ханта размазывал увлажняющий крем по локтям, чтобы лента не

высохла, а Масирао сражался волна за волной злодеев, пока его руки не отяжелели.

Когда они, наконец, выбрались из огня, первое, что увидел Масирао, был Мидория, лицо которого истекало кровью, когда седовласый злодей впился рукой в его

череп. Масирао потянулся к своему ги, но у него не было болы, чтобы бросить.

Очако было не привыкать к тошноте. Была всегда знакомая боль в желудке «Я слишком много использовала свою причуду», «Я использовала свою причуду на себе, и

теперь я не знаю, в какую сторону вверх», которая заставляла ее желудок делать сальто, «Я съела остатки еды двухнедельной давности в задней части

холодильника, потому что тратить еду равносильно пустой трате денег», спазмы желудка, которые заставили бы ее позвонить в больницу, если бы это не заставило

бы ее родителей беспокоиться и, возможно, тащить ее Вернувшись домой, и поскольку этого, по-видимому, было недостаточно, она получала версию «мое тело

ненавидит меня и жаждет смерти» раз в месяц просто для удовольствия. Теперь у нее был новый тип, который она могла добавить в свой список, «Я в ловушке в

темном вакууме, и мой желудок хочет заполнить пустоту», который она надеялась никогда больше не испытать.

Когда пустота вырвала ее обратно в реальность, она оказалась в окружении злодеев в лабиринте рушащейся архитектуры. Сделав себе половину своего веса, трюк,

за который она действительно должна была поблагодарить Мидорию, Очако подпрыгнула на десять футов в воздух и проворно приземлилась на треснувшую арку.

Злодей погнался за ней, но обветренный камень не выдержал их общего веса. Камни падали на землю, разбрасывая вокруг нее злодеев.

Очако воспользовался возможностью, чтобы прыгнуть выше. Отблеск света от доспехов Аоямы привлек ее внимание, и она побежала к нему. У яркого подростка был

приступ боли в животе, он изо всех сил пытался встать после того, как выстрелил лазером по кругу вокруг себя. Неровная местность держала злодеев на

расстоянии, но Аояме не пришлось много времени, прежде чем они подошли достаточно близко, чтобы ударить его.

Ни Очако, ни злодеи не были первыми, кто перешел на сторону Аоямы. Проворно перепрыгивая через упавшие камни, Сёдзи побежал перед Аоямой и раскинул руки.

Первый злодей, дошедший до него, был отправлен растянутым трехсторонним ударом.

— Здесь есть еще кто-нибудь? — спросила Очако, когда она добралась до них.

«В этой зоне нас трое, — сказал Сёдзи, — против пятнадцати злодеев».

Все еще удваиваясь и страдая от боли в животе, Аояма неуверенно сказал: «Я не думаю, что мы сможем выдержать столько».

«И я не могу нести вас обоих одновременно. В противном случае мы могли бы просто убежать».

«Что, если я сделаю нас всех наполовину светлее?» — спросил Очако. — Попробуй нести меня.

Сёдзи поднял ее и моргнул от того, насколько она легкая. «Я могу работать с этим».

С Аоямой и Очако, спрятанными под мышками, Сёдзи побежал к центру здания USJ. Без своих дубли-рук, которые действовали бы как вторичные уши, он не заметил

пару злодеев, которые качались перед ним. Они двигались по обе стороны от него, планируя отрезать его на прочном участке стены.

Сёдзи остановился и растопырил уши. «Мы не можем остановиться и бороться, позади нас есть еще кое-что. Есть идеи?»

Очако подтолкнул Аояму. — Твой желудок еще лучше?

«Уи, но у меня есть только один снимок».

«Выстрелите в землю. Мы собираемся улететь отсюда».

Когда злодеи сомкнулись вокруг них, Очако глубоко вздохнула, готовясь к тошноте. Она постучала по себе и двум своим одноклассникам, сведя на нет остальную

часть их гравитации. Сёдзи прыгнул, поставив их вне досягаемости злодеев. Когда несколько дальнобойных злодеев стреляли в них металлическими сферами и

кусками ила, Аояма выстрелил своим лазером, запустив их по всему объекту. Они приземлились в куче рядом с Яоорозу и Дзиро, ближе ко входу, как раз вовремя,

чтобы посмотреть, как Мидория засовывает куклу-матрешку в обнаженный мозг злодея. Сначала было неясно, чего это должно было достичь, но когда из головы

злодея поднялся дым, глаза злодея закатились, и он упал с тяжелым стуком.

Именно после того, как Изуку проворно перепрыгнул со спины злодея, желудок Очако вспомнил, что он был прострелен в небе лазером при нулевой перегрузке после

того, как она свела на нет людей на триста килограммов, что, кстати, стало ее новым наименее любимым типом тошноты.

Как только ее вырвало, она обнаружила Мидорию в руках злодея, его лицо развалилось в объятиях злодея. На этот раз она чувствовала себя слишком напуганной

для тошноты.

Кода никогда не считал себя трусом. Конечно, он предпочитал избегать любого человеческого общения, особенно если это касалось того, чтобы он говорил что-то

большее, чем хриплый шепот. Да, насекомые наводили на него ужас. Любой, кто не боялся какого-то жуткого, ползучего жука со слишком большим количеством ног,

который издавал тошнотворный хрустящий звук, когда на него наступали, явно сошел с ума. У каждого была своя фобия, поэтому Кода никогда не понимал, почему

другие дети в его школе относились к нему как к стеклу. Страх был нормальным. Страх был тем, что поддерживало вашу жизнь.

Страх был тем, что заставило его сбежать вниз по холму, усеянному погребенными зданиями, в то время как злодей выл и улюлюкал от восторга, размахивая ножами,

когда хвост его скорпиона развевался в воздухе.

«Я собираюсь разрезать тебя на красивые, симпатичные маленькие ленты!» — сказал злодей, кудахтая, бегая к Коде.

Кода нырнул в канаву, надеясь потерять злодея, только для того, чтобы врезаться головой в мягкую, упругую воздушную подушку. Падая вперед, Кода протянул

руки, пытаясь прервать падение. Его руки нашли что-то гладкое и мягкое. Он сжался, пытаясь понять, почему он не может видеть, что он держит.

«Мог бы... Ты перестанешь сжимать, пожалуйста?» — спросил напряженный, высокий голос.

Когда Кода вскарабкался назад, его мозг обработал все сразу. Одна из них, мягкая стена воздуха, на которую он наткнулся, на самом деле была его одноклассником

Хагакурэ. Во-вторых, сказал одноклассник, судя по тому, что он вообще не мог ее видеть, на нем не было никакой одежды. У.А. определенно не смогла сшить свой

костюм достаточно быстро. И в-третьих, было всего несколько мест, которые он мог бы втиснуть, которые казались бы такими круглыми и мягкими, и Кода

определенно не хотел знать, что это было.

Его руки дрожали, когда он делал знаки извинения, сначала слишком быстро, но затем медленно, достаточно, чтобы Хагакурэ понял. Если бы он выбрался оттуда

живым, первое, что он сделал, это поблагодарил бы Мидорию за то, что она научила половину класса базовому языку жестов.

«Все в порядке, я должен был быть более осторожным», — сказал Хагакурэ. «Я снял с себя всю одежду, потому что вокруг было слишком много злодеев. Мне

удалось уйти, а как насчет тебя?

По сигналу злодей прыгнул в овраг. «Пикабу, я вижу тебя!» Он маниакально закудахтал и сжал клинки. «А теперь давай поиграем!»

Когда издал недостойное хныканье ужаса и поспешил назад. Злодей наблюдал, как он сопротивляется, пока его спина не ударилась о конец рва.

«Давай, разве ты не собираешься встать? Это не весело, если ты не борешься». Он лизнул лезвие, глядя на Коду широко раскрытыми безумными глазами, когда тот подошел ближе.

Рот Коды работал беззвучно. Он мог слышать жуков в грязи вокруг себя, не так много, как обычно бывает снаружи, но, по крайней мере, достаточно, чтобы отвлечь

злодея. Слова не приходили. Глядя на сегментированный колючий хвост, развевающийся в воздухе, Кода задыхался, сжимая горло, когда злодей подошел ближе.

Рядом со злодеем плыл камень. Он врезался в голову злодея, отбросив его в сторону. Злодей набросился обоими лезвиями и хвостом, но все три острых края ничего не поразили.

— причуда-невидимка, — сказал злодей. «Не нужно стесняться, дядя Тириан просто хочет играть».

Злодей остановился, поглядывая из стороны в сторону с маниакальной ухмылкой. В канаве воцарилась гробовая тишина. Кода затаил дыхание, не в силах

пошевелиться, когда напряжение сцены возросло до невыносимого уровня.

Скала сдвинулась. Злодей набросился с ножом. Пятна крови выплескивались из ниоткуда, покрывая скалы оврага.

— Нашел тебя, — пробормотал злодей. Он стряхнул кровь со своего ножа и пошел к Хагакурэ. «Почему бы тебе не показать мне больше себя? Ты очень красивый цвет под невидимкой».

Когда нож поднялся, Кода закричала. Клопы ответили. Кипящие из земли многоножки, жуки и пауки роились над злодеем. Поглощенный острыми ощущениями от

погони, злодей сначала этого не заметил. Как только насекомые добрались до его шеи, они начали кусать его. Руки, ноги, лицо, все, что не было покрыто

обтягивающей одеждой, чувствовало гнев роя Коды. Злодей взвизгнул и выронил нож, ударив по его коже, раздавив насекомых по одному и по двое, в то время как

десятки других ползли по его лодыжкам.

Другим камнем Хагакурэ сбил злодея с ног. Жуки убежали, когда злодей упал.

— Спасибо за это, Кода-кун, — сказал Хагакурэ неловким тоном. «Если мы когда-нибудь будем драться друг с другом в классе, пожалуйста, не делайте этого».

Кода кивнул и знаками предложил им направиться к центру, как сказала Мидория, прежде чем тени поглотили его. Они нашли Сато дальше вниз по скале, засовывая

конфеты Мидории в рот, когда он сломал нос злодею. Порезы и ожоги покрыли его костюм, а один глаз был опухшим. Насекомые, которые следовали за Кодой,

прервались, чтобы преследовать злодеев. Когда половина из них с криком пала под нападением членистоногих, Сато сплотился, прорвавшись сквозь остальных

злодеев, чтобы добраться до центра.

Они прибыли как раз вовремя, чтобы посмотреть, как злодей забрызгал землю кровью Мидории.

Пустота была таким холодом, который можно было описать только как отсутствие тепла, холодное для обеих половин Тодороки. Последовавший за этим холодок

почувствовала только половина его матери.

Горная зона представляла собой замкнутое пространство с имитацией метели. Снег падал яростным белым водоворотом, затмевая вид на купол наверху. Редкие

деревья усеивали зимний пейзаж, ветви провисали под тяжестью снега.

Зеленый холмик, торчащий из белого пространства, привлек внимание Шото. Он, пошатываясь, направился к ней, спотыкаясь по снегу о скрытые камни. Асуи,

полузарытый и дрожащий, мрачно посмотрел на него.

— Так с-с-холодно, — сказала она сквозь зубы. Она цеплялась за его левый бок, как спасатель.

«Отпустите. Нам нужно убраться отсюда».

— Хладнокровно, — пробормотала она. «Не могу бодрствовать. Надо согреться».

Шото выругался себе под нос. Он огляделся по сторонам, ища выход, но все, что он увидел, это замаскированные фигуры, приближающиеся к ним. Один заметил его,

а остальные двинулись, чтобы окружить его.

Их главарь, янтарноглазая женщина с черными волосами, улыбнулась, увидев двух студентов, прижавшихся друг к другу. «Ой, пытаешься согреться?» — усмехнулась

она. «Как мило. Вот, позволь мне помочь с этим».

Расплавленное стекло капало из ее глаз, настолько горячее, что светились лампами накаливания. В ее пальцах стекло затвердело в крошечные острые лезвия. Взмах

пальцев отправил их в сторону Шото. Он топнул по заснеженному камню, и ледяная стена поднялась, чтобы поймать лезвия в нескольких дюймах от его лица. Лед

растрескался и треснул, когда перегретое стекло разбилось. Шото послал больше льда за злодеями, поймав нескольких, но большинство проворно отошли в сторону

или полностью проигнорировали его атаки с помощью причуд, основанных на жаре.

«Их должно быть трое», — сказала женщина. «Резервные копии, найдите последнего ребенка.

Зеленые волосы, Причудливый, не стесняйся убивать его, когда

увидишь.

Несколько злодеев усмехнулись, уходя от боя. Шото послал за ними столб льда, но женщина смахнула стеклянную занавеску на пути. Пар зашипел, когда две атаки

встретились.

«Курогири предупредил нас, что ты будешь хитрым», — сказала женщина. — Но рано или поздно вы оба замерзнете насмерть.

Шото взглянул на Асуи. Ее губы посинели, а дыхание было поверхностным. Ее хватка ослабла вокруг его руки. Когда началась паника, он услышал слова Мидории,

возвращающиеся к нему, предупреждающие его, говорящие ему использовать свой огонь. Шото закрыл его. Он не был бы его отцом, несмотря ни на что. Он не

использовал бы свой огонь.

Расплавленное стекло кровоточило в форме лука. Злодей вытащил его обратно. Стекло превратилось в стрелу, зацепившуюся за тонкую стеклянную тетиву. Шото

сделал гигантскую стену, вздрагивая, когда холод врезался ему в правый бок. Стрела вонзилась в его стену, награв лед с достаточной силой, чтобы разорвать его на

части.

Шото поднял правую руку, напрягаясь, чтобы сделать еще одну стену. Его пальцы были покрыты инеем, плоть почернела, а рука покраснела и пульсировала от

холода.

«Уже сделано?» — спросила женщина, вытягивая вторую стрелу. «Жалость. Я просто разогревался».

Шото стиснул зубы, подталкивая себя еще дальше, чтобы снова вспыхнуть льдом. Когда он попытался встать, Асуи соскользнул с его руки. Она не двигалась, лежа

на снегу.

«Ой, маленький лягушка уже мертв? Не волнуйся, ты скоро присоединишься к ней.

Когда Шото смотрел на Асуи, в ужасе наблюдая, как она поддается холоду, он почувствовал, что огрызается. Раскаленная добела боль наполнила его грудь, а на

щеках закипели слезы. Слова Мидории отскочили от его черепа, используй свой огонь, окруженный злодеями, где-нибудь потеплее, замерзающий насмерть,

используй свой огонь. Слова превратились в песнопение: используй свой огонь, используй свой огонь, используй свой огонь, стуча и стуча, требуя, чтобы их

услышали.

Стрела выстрелила ему в лоб. Его встретил поток огня, отбросив в сторону сильным порывом воздуха. Огонь вырвался наружу, поглотив злодейку, превратив ее в

пепел и кости в мгновение ока. Она не успела закричать.

Снег растаял в струйки пара, образовав туманный круг, который расширялся вместе с огнем Шото. Злодеи бежали, спотыкались, в панике бежали прочь, спасаясь от

пламени. Шото протянул руку, и перед ними возвышалась вторая стена, преграждая им побег. Вопли агонии эхом разносились по куполу горной зоны, когда огонь

приближался, поглощая их одного за другим.

Как только все закончилось, снег сошел. Голые скалы и почерневшие пни усеивали дымящийся пейзаж. Асуи лежал в луже с водой, все еще не двигаясь. Шото

схватил ее неуклюжими руками и посадил к себе на колени. Он излучал тепло, воздух вокруг него мерцал, а рука оттаивала, обнажая обмороженные пальцы.

— Эй, — тихо сказал Шото. — Проснись, пожалуйста.

Асуи не ответил. Еще одна порция слез наполнила глаза Шото, когда он крепко обнял ее, выдавливая больше тепла в ее безжизненные конечности.

— Прости, — прошептал Шото, всхлипывая ему в плечо. «Я должен был его послушать. Мне очень жаль».

Пустота не была чем-то новым для Цюю. Однажды она ушла от родителей и пробралась на кухню ресторана, соблазненная звуками шипящего мяса и болтовней

поваров. Любопытство привлекло ее к холодильнику сзади, и онемение в конечностях удерживало ее там. Она проснулась через двадцать минут в объятиях матери,

слезы капали на ее рубашку, когда мать улыбалась ей. Пустота была очень похожа на последний момент неопределенности, когда мир исчез, а она все еще была в

сознании, но не могла видеть мир, не могла двигаться, не могла убежать или сопротивляться надвигающейся тьме.

Что было новым, так это внезапный, резкий переход к ледяному холоду. Ее конечности отяжелели, когда наступили холода. Она попыталась подняться, но снег

отягощал ее. Пустота отступила, когда тепло ее тела просочилось в снег.

Теплые руки вытащили ее из снега. Инстинктивно она цеплялась за тепло, впитывая тепло тела. Она едва могла пробормотать объяснение того, что с ней

происходило, пока ее спаситель тащился по снегу.

Цюю слышала еще несколько голосов, но они были приглушенными, затуманенными от холода, щекочущего ее мозг. Она боролась со своим оцепенением, изо всех

сил пыталась бодрствовать достаточно долго, чтобы найти тепло, но рука, за которую она цеплялась, становилась все холоднее, холод вокруг нее все глубже

проникал в ее грудь, когда стены льда поднимались и опускались.

Когда она проснулась, снега уже не было. Пар клубился от ее промокшего наряда героя. Чувства возвращались волнами, сначала покалывал жар в конечностях, а

затем запах пепла и влаги. Звон в ушах исчез, обнажив приглушенные рыдания. Серый купол превратился в фокус, когда она моргнула глазами. Снежинки

дрейфовали на ветру и превращались в клубы пара, когда подходили слишком близко к земле.

Цюю застонала и зашевелилась. Ее глаза встретились с глазами Тодороки. Он смотрел на нее сверху вниз, и на его заплаканном лице читалось недоверие.

— Я думал, ты умер, — хрипло сказал Тодороки. Он шмыгнул носом, вытирая слезы.

«Я впал в спячку, керо. Мне нужно время, чтобы проснуться».

Тодороки крепко обнял ее. Цюю пискнула от внезапного контакта.

— Мне очень жаль, — сказал Тодороки. «Ты чуть не умер из-за меня. Я обещал не делать этого, но мне пришлось, и я - я почти не сделал».

— Ну, я не умер. Цюю, все еще оцепеневшая от пробуждения и шокированная нехарактерной близостью Тодороки, попыталась найти способ сменить тему. «Мы

должны встретиться с остальными, как сказала Мидория».

Тодороки с трудом отпустил ее и помог ей подняться на ноги. Когда они спускались с горы, Цюю споткнулась о рыхлый камень и упала. На другом камне, теперь в

нескольких дюймах от ее лица, были глазницы. Оглядевшись, я обнаружил обугленный скелет без головы, лежащий, как будто он пытался уползти в безопасное

место.

— Что здесь произошло? — спросила Цюю.

Тодороки пристально посмотрел на кости. — Я обещал не использовать его, — сказал он дрожащим голосом. — Я обещал.

Цюю сглотнула, внезапно поняв, что произошло. Она огляделась вокруг и обнаружила еще больше костей, разбросанных по голой горе, почерневшей от огня

Тодороки. Она оглянулась на преследуемое лицо Тодороки, его глаза были застывшими, когда он смотрел на то, что он сделал.

Импульсивно Цюю обняла Тодороки. Он вздрогнул, когда она обняла его. — Все в порядке, — сказала она. «Давай просто уйдем отсюда, пока не появилось больше».

Тодороки кивнул и позволил ей провести его к выходу из горной зоны. Цюю старалась не смотреть на кости, старалась не думать о том, что могло бы случиться, если

бы Тодороки не сжег их всех, старалась не представлять себе их крики, старалась не задаваться вопросом, почему Тодороки, далекий, тихий, эмоционально мертвый

Тодороки, плачет над ней.

Они выбрались как раз вовремя, чтобы увидеть, как рука тянется к Мидории из клубящейся пустоты.

Когда пустота поглотила Кацуки, он ответил так же, как и на что-нибудь зловещее, угрожающее или раздражающее, выбрасывая из нее вечно живое дерьмо, пока

его ладони не ужалили. Пустота, будучи метафизическим вакуумом, не пострадала в результате вспышки, что, естественно, еще больше разозлило Кацуки. Он

держал палец на булавке своей гранатовой перчатки, готовый взорвать закрученную пурпурную пустоту в царство, когда она бросила его в гигантскую лужу

посреди проливного ливня, подняв уровень гнева Кацуки до библейских масштабов. К несчастью для одного удивленного злодея с чертами лица игуаны, они стали

новым выходом для сдерживаемой ярости Кацуки.

Оставив тлеющего, полумертвого злодея, Кацуки последовал за истерическими криками, пока не нашел Минету и Каминари, прислонившихся к зданию, когда пятеро

злодеев окружили их. Кацуки взорвал ладони и полетел вперед, чтобы ударить злодея ногой в подбородок.

«Взрывающийся здесь!» — крикнул злодей. «Пусть все окружают их!»

Кацуки схватил его за лицо. Он воспламенил свой пот, но все, что он получил, это жалкий хлопок. Злодей схватил его за запястье и оттолкнул в сторону.

«Здесь не так уж и круто, не так ли?» — усмехнулся злодей. «Получайте удовольствие, пытайтесь взорвать вещи, когда ваши руки мокрые!»

Кацуки в ярости уставился на свои промокшие перчатки. Он оторвал одну зубами и яростно потер, пытаясь высушить и согреть руки, но дождь смыл его усилия.

«Что нам делать?» — воскликнула Минета. — Они собираются нас убить?

«Используй свою причуду тупую - просто используй свою причуду!» — огрызнулся Кацуки.

«О да, отличный план, я просто покрою их липкими шариками, пока моя голова не пойдет кровью, это не даст им разбить нам головы!» Минета указал на тротуар,

который уже был усеян фиолетовыми сферами. «Если вы заметили, они мало что делают!»

«Я мог бы шокировать их всех, — сказал Каминари, — это было бы очень легко в этот дождь».

«Да, но мы все будем жарены до хрустящей корочки!»

«И я буду идиотом, я знаю!» Каминари и Минета посмотрели на Кацуки. «Что нам делать?»

Кацуки бросил перчатку и огляделся, заставив злодеев отступить, пока он оценивал ситуацию. Один злодей наступил на мяч, зацепившись ногой за тротуар.

— Твои сферы все еще торчат под этим дождем? — спросил Кацуки.

«Д-да, они гидрофобные». Минета истерически ухмыльнулась ему. «Этот идиот попытался пнуть одного, думая, что дождь не даст ему прилипнуть».

— Гидро-что? — спросил Каминари.

— Они тоже изоляторы?

Минета задумалась, потом ухмыльнулась. «Они как резина, так что да».

«Клянусь, вы двое придумываете слова!»

«Как вы не знаете, что такое изолятор?» — огрызнулся на него Кацуки. «Вся твоя причуда — это электричество!»

«Ребята, мы это делаем или нет?» — спросила Минета. «Я бы не хотел умереть, спасибо».

Кацуки наступил на два мяча. Он раскачивался взад и вперед, размахивая руками, чтобы сохранить равновесие. «Пикачу, используй разрядку, когда мы оба стоим на этих шарах».

— Эй, кого ты называешь Пикачу?

Минета сделал небольшую кучку и сел на нее. «Просто сделай это!»

«Хорошо, но это лучше сработает!»

Глаза злодеев расширились, когда Каминари выпустил свою Причуду. Дуги электричества прыгали по земле, огибая резиновые шары Минеты, чтобы шокировать

злодеев. У кого-то хватило ума и скорости, чтобы взобраться на яйца Минеты, но Кацуки сбил его с ног, как только Минета освободила его.

— Это все? — спросил Кацуки, осматривая павших злодеев.

«Это - так лучше быть». Минета с тревогой огляделся по сторонам, как будто злодей в любой момент может врезаться в стены. Каминари ходил в оцепенении,

показывая большой палец вверх фонарному столбу и бормоча себе под нос.

Один из злодеев, высокий, темнокожий, мускулистый мужчина с растрепанными каштановыми волосами, встал, стряхивая капли воды со своего пальто. Дуги

электричества рябнули по его рукам. «Вы действительно прошли через это. Бесшабашные дети. Тем не менее, я впечатлен, что вы придумали способ оставаться на

ногах после выписки»

Минета взвизгнул и спрятался за спиной Кацуки. Кацуки усмехнулся и надел одну из своих перчаток. «Если бы вы знали, что для вас хорошо, вы бы остались внизу.

Теперь я убью тебя».

Мужчина нахмурился. «Угрозы убийством от студента-героя? Как будто мне нужно было еще какое-то доказательство того, насколько отсталым стало общество героев».

Кацуки прицелился в злодея и вытащил булавку. «Как будто меня волнует, что думает такой злодей, как ты, а теперь умри!»

Злодей был поглощен огромным облаком дыма. Когда она исчезла, он все еще стоял, хотя и с опаленной дырой в кожаной куртке.

— Знаешь, — сказал злодей, направляясь к Кацуки, — я пытался быть героем, когда был в твоём возрасте. У.А. не очень много думал о ребенке, которому нужно

было таскать три автомобильных аккумулятора только для того, чтобы ударить робота. Вместо этого им нравились такие дети, как Индевор, дети с яркими, кричащими

причудами, которые могли сжечь любого, кто был проблемой, до хрустящей корочки».

Кацуки отступил и приготовил еще одну перчатку, но злодей бросился вперед и схватил его за запястье. Кацуки боролся и даже укусил его, онемев языком из-за его

беды.

«Я не хочу убивать детей, — сказал злодей, — но, зная, кем ты станешь когда-нибудь, просто еще одним Индевором, сжигающим массы в подчинении, я готов

сделать исключение».

— Иди ты к черту! — взревел Кацуки.

Злодей грустно посмотрел на него и поднял кулак. — Разве никто не говорил тебе, что герои не ругаются?

Кацуки ошеломленно уставился на него, когда кулак рухнул на него. В последний момент одна из фиолетовых сфер Минеты соскользнула перед ударом. Удар все еще

сотрясал череп Кацуки, но он не позволил ему сломать шею.

Злодей пожал ему руку, тщетно пытаясь сместить сферу. «Ясно, что наша разведка была выключена. Мы должны сделать так, чтобы это больше не повторилось».

Минета схватил сферу, выпустив Кацуки, и бросил в злодея еще две. Они прилипли к его груди, но злодей был осторожен, чтобы не прикоснуться к ним.

— Что ты делаешь? — сказал Кацуки, когда Минета убежала. «Продолжайте бросать!»

— Я не могу! Минета указал ему в лоб. Кровь стекала по его глазам. «У меня осталось всего несколько человек, и они даже ничего не делают!»

Злодей смотрел, как они идут по переулку, и переключил свое внимание на Каминари, который пытался дать пятерку своему отражению в витрине магазина. «Ты же

не собираешься оставлять своего друга, не так ли? Какой-то ты герой».

Кацуки остановился и зарычал. — Минета, дай мне одну.

— Подожди, что?

«У меня есть план, просто заткнись и сделай это».

«О, ты возвращаешься, чтобы сражаться?» — спросил злодей. «Ты все еще думаешь, что сможешь выиграть у меня? В твоём друге было довольно много

электричества. Я мог бы выровнять весь этот блок, если бы захотел».

— Посмотрим. Кацуки затолкал свою вторую перчатку, вытащил булавку и вдавил сферу Минеты в отверстие. «Съешь это, липкая граната!»

С оглушительным грохотом сдетонировал нитроглицерин. Сфера разлетелась во взрыве фиолетовой слизи, облив злодея и Каминари вязкой резиновой жидкостью.

Злодей тянул и боролся, но слизь крепко прижала его к земле. Чем больше он боролся, тем крепче слизь цеплялась за него, пока он не сгорбился.

Пока Минета выкапывал Каминари из слизи, Кацуки подошел к упавшей жертве. «Это то, что вы получаете за то, что вы злодей. Я побью любого из вас, в любое

время и в любом месте».

— Это еще не конец, — прорычал злодей. «Я не позволю таким людям, как вы, стать героями. Ты этого не заслуживаешь».

Кацуки нахмурился. Он поставил ногу на лицо злодея, стараясь не задеть слизь, и вонзил голову в землю. Злодей ахнул, скривившись, чтобы держать нос и рот чуть

выше воды.

Минета смотрел на Кацуки с нервным выражением лица. Кацуки пнул воду в лицо злодею и отвернулся. «Давайте выберемся из этого дурацкого дождя. Есть еще

злодеи, которых нужно убить».

Так получилось, что на центральной площади остался только один злодей. Он положил руку на лицо Деку, положив один палец на лоб. Глаза Деку встретились с

глазами Кацуки в последний момент. Его безмятежное выражение лица вернуло воспоминания многомесячной давности, воспоминания, которые Кацуки сердито

отбросил в сторону, сказав себе, что это не имеет значения, он все еще ничего не стоит, кто-то такой жалкий, как Деку, не смог бы его спасти.

Палец упал. Кожа Деку отслаилась, затем мышцы под ней, затем кость. Кровь хлынула из раны, испачкала руку и стекала по лицу Деку. Все это время Деку

продолжал улыбаться той спокойной, тихой улыбкой, которая зажгла душу Кацуки.